

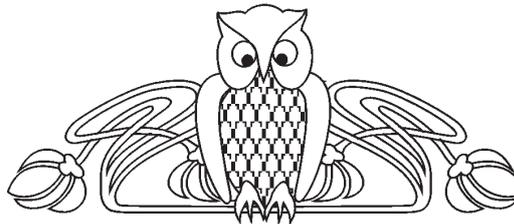

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 46–50
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 46–50
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-46-50>, EDN: OUNMDV

Научная статья
УДК 1(470+571)(09)+929(Наполеон III + Чернышевский)

Чернышевский и Наполеон III

А. А. Кротов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Кротов Артем Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета, krotov@philos.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Аннотация. *Введение.* Образ Наполеона III в философском мышлении Чернышевского представляется важным для характеристики идеологической борьбы в XIX в. *Теоретический анализ.* Со студенческих лет Чернышевский следил за политической карьерой Луи Бонапарта, отмечал его успехи и личностные черты. В период Второй империи во Франции Чернышевский выступает с критикой бонапартизма, выдвигает объяснение причин его временного триумфа. Он упоминает и преклонение крестьянства перед славой, соединенной с известным именем, и страх перед анархией, и ошибочные расчеты враждующих лагерей. В статье показана связь анализа бонапартизма Чернышевского с теоретическими принципами, провозглашенными в его основных философских трудах. Подобно Чернышевскому Наполеон III пытался опираться на теорию прогресса, но при этом важную роль в движении общества к лучшему будущему отводил правительству. Его идеал – империя, символизирующая порядок и власть. *Заключение.* Фактически Чернышевский и Наполеон III защищали две диаметрально противоположные концепции прогресса. Они расходились, прежде всего, по вопросу о том, как должны пониматься подлинные интересы народа. В вопросе о степени жизнеспособности империи Чернышевский, очевидно, оказался прав.

Ключевые слова: Чернышевский, Наполеон III, социальная философия, теория прогресса, история русской философии

Для цитирования: Кротов А. А. Чернышевский и Наполеон III // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 46–50. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-46-50>, EDN: OUNMDV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Chernyshevsky and Napoleon III

A. A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Artem A. Krotov, krotov@philos.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Abstract. *Introduction.* The image of Napoleon III in philosophical thinking of Chernyshevsky is important for the characterization of ideological struggle in the nineteenth century. *Theoretical analysis.* From his student years, Chernyshevsky followed the political career of Louis Bonaparte, noted his successes and personal traits. During the Second Empire in France, Chernyshevsky criticized Bonapartism, put forward an explanation of the reasons for its temporary triumph. He mentioned the worship of the peasantry before the glory combined with a famous name, the fear of anarchy and the erroneous calculations of the warring camps. The article shows how Chernyshevsky's analysis of Bonapartism is related to the theoretical principles proclaimed in his main philosophical works. Just as Chernyshevsky himself, Napoleon III tried to rely on the theory of progress, but at the same time he assigned an important role to the government in the process of moving of society towards a better future. His ideal is an empire symbolizing order and power. *Conclusion.* In fact, Chernyshevsky and Napoleon III defended two diametrically opposed concepts of progress. They disagreed, first of all, on the question of how the true interests of the nation should be understood. In the question of the vitality of the empire, Chernyshevsky obviously turned out to be right.

Keywords: Chernyshevsky, Napoleon III, social philosophy, theory of progress, history of Russian philosophy

For citation: Krotov A. A. Chernyshevsky and Napoleon III. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 46–50 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-1-46-50>, EDN: OUNMDV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В мировосприятии Чернышевского оценка личности и деятельности императора французов занимает особое место. Его суждения, касающиеся

ся политики Второй империи, так или иначе подчинены более общим теоретическим представлениям о закономерностях в развитии общества. Более того, представления эти неотделимы от его общеполитической позиции. Сопоставление его

оценок с политическими идеями Луи Бонапарта позволяет добавить новые штрихи к общей характеристике идеологической конфронтации, столкновению различных тенденций, свойственных XIX столетию.

Теоретический анализ

Дневник Чернышевского за 1848 г. свидетельствует об интересе, который его автор проявлял к президентским выборам, окончившимся победой Луи Бонапарта. На этом этапе своей жизни, еще до знакомства с сочинениями Фейербаха, студент Санкт-Петербургского университета был страстным приверженцем французского социализма: «В сущности я верю, что будет время, когда будут жить по Луи Блану» [1, с. 61]. Неудивительно, что все политические события, происходившие во Франции, привлекали его особое внимание. 14 января 1849 г. он записывает, что Луи Бонапарт представляется ему в более выигрышном свете, чем прежде: он не так уж и глуп, скорее это – «обыкновенный человек и добросовестный», достаточно проникательный, чтобы противостоять министерству, рассчитывающему использовать его как проходную фигуру.

В статье «Кавеньяк» (1858) Чернышевский отмечал, что генерал сам способствовал падению своей власти и подготовил условия для политического взлета Луи Бонапарта. Ошибки Кавеньяка он причисляет к заблуждениям тех представителей республиканской партии, которые полагали, будто одной формы государственного устройства достаточно для решения современных политических проблем, что ожидания нации и ее потребности вполне сводятся к этой форме, в то время как в действительности она является всего лишь средством их удовлетворения. Умеренные республиканцы в лице своего кандидата Кавеньяка проиграли президентские выборы Луи Бонапарту, поскольку за того выступили все реакционеры и те реформаторы, которые сочли правительство виновным в июньской резне. Луи Бонапарт ошибочно казался всем персонажем слишком незначительным, переходным, чтобы придавать ему большое значение.

Понять отношение Чернышевского к фигуре императора французов в значительной степени позволяют общие принципы, провозглашенные им в «Критике философских предубеждений против общинного владения» (1858). В этой работе он отстаивал мысль о том, что изменение бытия во всех его сферах подчинено единому закону: «Высшая степень развития представляется

по форме возвращением к первобытному началу развития. Само собою разумеется, что при сходстве формы содержание в конце безмерно богаче и выше» [2, с. 368]. Соответственно, отсюда он выводил необходимость сохранения в России общинного землевладения. Отсюда же он выводил необходимость падения аристократического правления и будущего торжества демократии. В свете упомянутых философских установок становится очевидным, насколько режим Второй империи был далек от социального идеала Чернышевского.

Труд «Антропологический принцип в философии» (1860) конкретизирует мировоззренческие установки, сквозь призму которых Чернышевскому видится решение социальных проблем. Естественные науки, на его взгляд, предоставляют достаточно данных для анализа нравственных задач. «Физиология и медицина находят, что человеческий организм есть очень многосложная химическая комбинация, находящаяся в очень многосложном химическом процессе, называемом жизнью» [3, с. 268]. Антропологический принцип утверждает единство человека, отбрасывая несостоятельный дуализм души и тела. Соответственно, в основе поступков человека присутствует представление о личном благе, а понятие «добро» предполагает мысль «об очень прочной пользе». Интересы человечества, затем нации должны ставиться выше сословных и индивидуальных. Нетрудно сделать из этих общих положений политические выводы.

В работе «Франция при Людовике-Наполеоне» (1859) Чернышевский, опираясь, по собственному признанию, на статью, напечатанную в «Эстминстерском обозрении» (октябрь 1858), высказывает общую оценку правления императора французов. Итоговый его вывод выглядит радикальнее мнения, выраженного автором британского журнала. В деталях же он по существу полностью следует за ним, находя в упомянутом «обозрении» для себя фактическую опору. Он предлагает взглянуть на современные события с точки зрения понятия «прогресс», говорит о сложности самостоятельной выработки такого рода ракурса для большинства современников. Он упоминает о разноречивости суждений относительно политического лидера Второй империи. Между тем его успех, его приход к власти и последующее восстановление империи объясняются сочетанием нескольких условий. Прежде всего, необоснованный страх перед возможными социальными беспорядками побуждал многих поддерживать диктатуру. Во-вторых, в среде образованных, погруженных в водоворот

общественных дел граждан сложилось ложное представление о личности Луи Бонапарта, которого воспринимали как временную, несамостоятельную, переходную политическую фигуру. Однако ему удалось решительно воспротивиться внешнему влиянию на собственные решения, выказав и упорство, и политическую волю. «Под наружностью, носящей вид невозмутимого спокойствия и смирения, он обладал суровой волею, которая при постоянном напряжении закалилась в непреклонную настойчивость, между тем как в его натуре, по-видимому, холодной и тупой, скрывалась душа, волнуемая страстью тем более сильною, что огонь ее был осторожно подавляем» [2, с. 398–399].

Далее. Оба монархических лагеря (приверженцев Бурбонов и Орлеанской ветви) не имели народной поддержки, ибо оказались дискредитированы событиями, связанными с недавним их правлением. Наконец, в пользу племянника сыграло и преклонение невежественных крестьян перед именем его прославленного дяди. Вся политика Луи Бонапарта получает объяснение в особенностях его воспитания и характера. Воспитанный в духе благоговения перед величием Наполеона, племянник решил твердо держаться его политической системы, неотступно воплощая ее в жизнь. Что же до характера, то он представлял собой соединение сильной страсти с большой осторожностью. Отсюда способность сдерживать страстные порывы, умение заменить гениальность вдохновения настойчивостью, последовательностью в проведении своей линии. Будучи узурпатором, он, подражая своему выдающемуся предшественнику, изображал себя выразителем народных настроений. В управлении страной им не предложено ничего оригинального: все свелось к попыткам реанимировать учреждения Первой империи. Оказавшись в средоточии столкновений интересов разных партий, он ищет опору в рецептах политики своего дяди. Именно эта установка привела в итоге к восстановлению деспотизма, вступающего в противоречие с интересами народа. Более того, деспотизм этот, будучи неуклюжим слепком, копией с режима Первой империи, движется по исторической колее, уже показавшей свою непригодность. Единственные достижения, которые могут быть приписаны Луи Бонапарту, относятся к внешней политике. Он показал себя самостоятельным дипломатом, когда от традиционной французской политики вражды с Англией перешел к союзу с ней. В этом, по-видимому, ему помогли путешествия. Внутренняя политика

Луи Бонапарта направлена на искоренение всякой самостоятельной мысли, но достичь этого результата невозможно. Мнения становятся господствующими не посредством насилия, а согласием общества. Восстановив империю, он оказался неспособен умело действовать в новых исторических обстоятельствах, выказал себя непрактичным и неуверенным. Ниспровергнуть просвещенный разум ему оказалось не по силам. В сопоставлении с Наполеоном Луи Бонапарт предстает личностью значительно «менее даровитой», строящей свое поведение на неумелом подражании своему дяде.

Чернышевский предсказывал скорое падение Второй империи. Ее основы он считал ненадежными, прямо ведущими к политическому кризису. В качестве предположения (блестяще подтвердившегося) он также высказывал мысль о том, что еще прежде, чем разразится неизбежный кризис, империя может рухнуть в силу внешних причин.

В статье «Г. Чичерин как публицист» (1859) присутствует сжатая характеристика развития французского общества за последние полвека. Длительное господство абсолютизма во Франции согласно Чернышевскому утвердило в умах привычку к подчинению централизации и бюрократии. Эти отжившие привычки сдерживают переход к демократии, несмотря на все свершения революции. Наполеон I стремился реанимировать аристократию, Бурбоны, Орлеанский дом всемерно ее поддерживали. В свою очередь, Луи Бонапарт предпринимает усилия по ее защите. Поэтому-то «Наполеон I, Бурбоны, Луи Филипп, Луи-Наполеон – все они одинаково держались опорой партии застоя или даже чистой реакции» [2, с. 654]. Имена упомянутых властителей выступают для Чернышевского символом попыток противодействия прогрессу.

В оценке Чернышевским личности императора и факторов, способствовавших его приходу к власти, можно усматривать отдельные параллели с известной характеристикой К. Маркса, данной в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852). Но для Маркса именно обстоятельства классовой борьбы предоставили возможность авантюристу «сыграть роль героя» [4, с. 419]. Кроме того, как справедливо подчеркивает М. А. Маслин, «никакого влияния со стороны Маркса Ч. не испытал» [5, с. 907].

В суждениях Чернышевского о главе Второй империи явно или неявно нашли отражение те черты его многогранного творчества, на которые в различном контексте, зачастую сквозь призму собственных убеждений обращали внимание

выдающиеся исследователи исторического прошлого. В. В. Зеньковский характеризовал Чернышевского как вождя «радикальных и социалистических слоев русского общества», который понимал человеческую природу в духе биологизма с примесью вульгарного материализма. «Он является прежде всего одним из виднейших представителей русского секуляризма, стремящегося заместить религиозное мировоззрение, сохранив, однако, все ценности, открывшиеся миру в христианстве» [6, с. 129, 134–135, 142]. Т. Г. Масарик причислял Чернышевского к представителям нигилизма [7, с. 186]. Того же мнения придерживался Н. О. Лосский [8, с. 70]. Г. В. Флоровский характеризовал Чернышевского как радикала из числа лиц, которые представляли специфический психологический тип, были «озлобленными семинаристами», сводившими счеты, стремясь опорочить противников, а не опровергать их [9, с. 290]. Б. В. Яковенко видел в мировосприятии Чернышевского сочетание материализма с «позитивистской ориентацией», причем настаивал, что в отношении философского знания тому «не хватало научности и основательности» [10, с. 150–151]. Для И. К. Пантина Чернышевский – прежде всего политический философ [11, с. 189]. А. А. Демченко подчеркивает: «Основу мировоззрения Чернышевского составляла идея неизбежности исторического прогресса, совершающегося в силу заложенных в природе человека стремлений к улучшению своего быта». Причем, оценивая способ воплощения Чернышевским упомянутой идеи, следует принять во внимание, что «демократизм стал главным нервом всего его существования» [12, с. 4, 6]. В. К. Кантор говорит о необходимости демифологизации фигуры Чернышевского, гениального мыслителя, реформатора и «носителя Христовой истины», пусть и выраженной в своеобразно-позитивистской форме, который был превращен в «фантомного революционера», а затем и во врага свободы [13, с. 488].

Заметим, что Наполеон III пытался опираться на теорию прогресса, но при этом важную роль в движении общества к лучшему будущему отводил правительству. Контуры политического будущего Франции он всегда видел в порядках, некогда провозглашенных его прославленным предшественником: «Режим, установленный в 1800, руководимый высшим гением, заложил всюду прогрессивные учреждения на принципах порядка и власти» [14, р. 4]. Наполеон III также стремился найти опору в концепции народного суверенитета, но при этом ограничивал роль нации выборами главы

государства. Правитель согласно такого рода политической установке воплощает народную волю, а потому противодействие ему нелегитимно и рассматривается как идущее вразрез с желаниями подавляющего большинства. Диктатура в этой системе отсчета легко находит свое оправдание.

Исследователи последнего столетия в целом выше оценивают Наполеона III, чем большинство его современников. Так, например, Сюзанна Детерн и Генриетта Шанде представляют Наполеона III подлинным «человеком XX века», ибо, по их мнению, последнее столетие связано с развитием целого ряда намеченных им принципов в экономике, социальной жизни и международной политике [15, р. 10]. Фредерик Блюш определяет правление Наполеона III как «демократический цезаризм», находящий важнейшую опору в «Мемориале Святой Елены» [16, р. 5]. Жорж Бордонов видит в характере Наполеона III смешение прагматизма с мечтательностью. «Его экстраординарная судьба была судьбой романтического героя» [17, р. 416]. Луи Жирар характеризует Наполеона III как лишенного военных дарований, зависимого в идейном плане от своего предшественника – влиятельного политика, сумевшего вернуть Францию в число держав первого ранга [18, р. 516].

Заключение

В идеях Чернышевского и Наполеона III представлены две диаметрально противоположные концепции прогресса. В этом подлинная причина негативной оценки Чернышевским правления императора. Если для Чернышевского на протяжении многих лет Фейербах выступал воплощением идей века, то Луи Бонапарт отводил эту роль Наполеону. Соответственно, понятие «прогресс» наполнялось различным содержанием. Для одного бонапартистский режим противоречил народным интересам, для другого – отвечал в полной мере, но, по крайней мере, по вопросу о долговечности империи Чернышевский оказался значительно ближе к истине, чем Наполеон III.

Список литературы

1. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939. Т. 1. 859 с.
2. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1950. Т. 5. 1007 с.
3. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1950. Т. 7. 1095 с.

4. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М. : Политиздат, 1985. Т. 1. С. 418 – 516.
5. Маслин М. А. Чернышевский // Русская философия. Энциклопедия. М. : Мир философии, 2022. С. 906–907.
6. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л. : Прометей, 1991. Т. 1, ч. 2. 279 с.
7. Масарик Т. Г. Россия и Европа : в 3 т. СПб. : Издательство Русского Христианского гуманитарного университета, 2003. Т. 3. 574 с.
8. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Советский писатель, 1991. 480 с.
9. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс : Вильгис, 1991. 599 с.
10. Яковенко Б. В. История русской философии. М. : Республика, 2003. 510 с.
11. Пантин И. К. Антропологический принцип Н. Г. Чернышевского // История русской философии. М. : Республика, 2001. С. 189–200.
12. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография : в 4 ч. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1992. Ч. 3. 330 с.
13. Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.
14. Napoléon III. *Œuvres*. Paris: Plon, 1856. Vol. I. 480 p.
15. Desternes S., Chandet H. Napoléon III. *Homme du XX siècle*. Paris : Hachette, 1961. 365 p.
16. Bluche F. *Le bonapartisme*. Paris : PUF, 1981. 127 p.
17. Bordonove G. Napoléon III. Paris : Pygmalion, 1998. 457 p.
18. Girard L. Napoléon III. Paris : Fayard, 2013. 550 p.
4. Marx K. *Vosemnadtsatoe bryumera Lui Bonaparta* [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. In: Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vols.]. Moscow, Politizdat, 1985, vol. 1, pp. 418–516 (in Russian).
5. Maslin M. A. *Chernyshevskiy* [Chernyshevskiy]. In: *Russkaya filosofiya. Entsiklopediya* [Russian Philosophy. Encyclopedia]. Moscow, Mir filosofii, 2022, pp. 906–907 (in Russian).
6. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii: v 2 t.* [The History of Russian Philosophy: in 2 vols.]. Leningrad, Prometey, 1991, vol. 1, pt. 2. 279 p. (in Russian).
7. Masarik T. G. *Rossiya i Evropa: v 3 t.* [Russia and Europe: in 3 vols.]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2003, vol. 3. 574 p. (in Russian).
8. Losskiy N. O. *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Sovetskiy Pisatel', 1991. 480 p. (in Russian).
9. Florovskiy G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russian Theology]. Vil'nyus, Vil'tis, 1991. 599 p. (in Russian).
10. Yakovenko B. V. *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Respublika, 2003. 510 p. (in Russian).
11. Pantin I. K. Anthropological principle of N. G. Chernyshevsky. In: *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Respublika, 2001, pp. 189–200 (in Russian).
12. Demchenko A. A. *N. G. Chernyshevskiy. Nauchnaya biografiya: v 4 ch.* [N. G. Chernyshevsky. Scientific Biography: in 4 pt.]. Saratov, Saratov State University Publ., 1992, pt. 3. 330 p. (in Russian).
13. Kantor V. K. "Srublennoe drevo zhizni". *Sud'ba Nikolaya Chernyshevskogo* ["The Felled Tree of Life". The Fate of Nikolai Chernyshevsky]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 528 p. (in Russian).
14. Napoléon III. *Œuvres*. Paris, Plon, 1856. Vol. I. 480 p.
15. Desternes S., Chandet H. *Napoléon III. Homme du XX siècle*. Paris, Hachette, 1961. 365 p.
16. Bluche F. *Le bonapartisme*. Paris, PUF, 1981. 127 p.
17. Bordonove G. *Napoléon III*. Paris, Pygmalion, 1998. 457 p.
18. Girard L. *Napoléon III*. Paris, Fayard, 2013. 550 p.

References

1. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1939, vol. I. 859 p. (in Russian).
2. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1950, vol. 5. 1007 p. (in Russian).
3. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 vols.]. Moscow, Goslitizdat, 1950, vol. 7. 1095 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 12.01.2024
The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 12.01.2024